

ЭТНОС, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

© 1996 г., ЭО, № 4

А. В. Гринев

«КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПОЛИТАРИЗМ» В НОВОМ СВЕТЕ

Прошедший юбилей, связанный с 500-летием открытия Америки, привлек большое внимание историков, этнографов, социологов и других специалистов-обществоведов. К знаменательной дате вышли многочисленные монографии, сборники статей, тезисы докладов. Среди всего многообразия опубликованной литературы особого внимания заслуживают те работы, в которых делаются попытки теоретически осмыслить перемены, происшедшие в Новом Свете после исторического плавания Колумба. К числу таких работ относится, безусловно, коллективная монография петербургских ученых «Три века колониальной Америки: О типологии феодализма в Западном полушарии»¹. Эта книга представляет собой своеобразный итог изучения в отечественной историографии социально-экономических отношений в колониальной Америке. Это поистине новаторский труд, в котором основательно анализируются такие важные для понимания конкретных исторических событий и этно-социальных факторов проблемы, как возникновение европейских (прежде всего испанских) колоний в Америке, господствовавшие там производственные отношения, структура и динамика развития главных отраслей колониального хозяйства, становление и функционирование специфической социальной системы колониального общества. Нельзя не отметить очень взвешенного, аналитического подхода авторов монографии к рассматриваемым вопросам, краткость и точность изложения основных причин и предпосылок европейской колонизации, вскрытие противоречивости этого сложнейшего исторического процесса, испытывавшего на себе в свою очередь влияние изменений, происходивших в метрополиях, а также экологического и этно-демографического факторов.

Однако несмотря на несомненные достоинства монографии, некоторые ее узловые, важнейшие положения нуждаются, на наш взгляд, в существенной корректировке и уточнении. Кроме того, внимание ученых избежала, к сожалению, Французская Америка (Новая Франция и Луизиана) и Русская Америка (Аляска и Алеутские острова, 1741—1867 гг.). В последней, например, «колониальный феодализм», если использовать терминологию авторов монографии, приобрел особенно широкий размах.

Здесь уместно остановиться на трактовке самого термина «колониальный феодализм», данной на страницах монографии, тем более, что вокруг него строится основное изложение книги. «Колониальный феодализм» — это, по мнению авторов, общественный строй, «сложившийся в результате взаимодействия индейских и испанских традиций под воздействием требований мирового рынка в регионах высоких индейских цивилизаций в XVI—XVIII вв. ... Его роднило с европейским феодализмом наличие вассальной зависимости, феодальной ренты, отсутствие безусловной собственности на землю, господство натурального хозяйства, отсутствие рынков товаров и труда, хаотичная система мер и весов, примитивная структура внутренней и внешней торговли, финансов, т. е. он сходен с европейским, но не идентичен. Необходимо учитывать разницу в пространстве и во времени. ... Отличительной чертой колониального феодализма явля-

лось отсутствие поземельной зависимости индейских крестьян от испанцев и неприменимость правила «вассал моего вассала — не мой вассал». ... Земля не рассматривалась юридически (да и фактически) как безусловная собственность испанцев и индейцев. И те и другие являлись ее владельцами по воле испанского короля, за что первые делились с королем частью феодальной ренты, а вторые платили *трибuto* (подушный налог — А. Г.)»².

Примем эту формулировку как исходную. Однако из рассуждений авторов остается не ясно, представляет ли «колониальный феодализм» особый способ производства, т. е. выступает ли он как общественно-экономическая формация, или же это просто специфическая разновидность феодализма. В монографии представлены обе эти точки зрения³.

Поскольку это вопрос принципиальной важности, обратимся к истокам формирования «колониального феодализма». Характеризуя «колониальный феодализм», авторы монографии неоднократно подчеркивают, что он наиболее прочно утвердился в Испанской Америке в зоне «высоких индейских цивилизаций», которые и послужили базой его возникновения⁴. Это район Центральной Мексики, где проживали ацтеки и майя, территория современной Колумбии, населенная в то время племенами чибча-муисков и, наконец, обширные пространства на западе южноамериканского материка, входившие в состав «империи» инков с центром в Перу. К сожалению, в монографии нет однозначного ответа на вопрос, на какой именно стадии развития общества находились перечисленные народы и какой социально-экономический строй у них существовал. В одном случае они пишут об элементах рабства, сосуществовавших с «чертами феодального способа производства», в другом — о формировании раннеклассовых государств с феодальными чертами⁵. Такая неопределенность, как мы увидим далее, не случайна, а пока обратимся к мнению специалистов по истории доколумбовых цивилизаций.

Крупный этнограф-американист В. И. Гуляев в одной из своих работ проанализировал структуру древних государств Мезоамерики и пришел к выводу, что наиболее близкой к ним аналогией в Старом Свете является «империя Саргона Аккадского» в Месопотамии⁶. Другой известный исследователь Ю. Е. Березкин в своей обстоятельной и интересной монографии, посвященной инкской империи, идет еще дальше в проведении аналогий: древнеперуанское общество, по его мнению, весьма напоминает наше собственное эпохи «социализма»⁷. Правда, делая основной упор на изучении эволюции управления большими коллективами людей, на анализе государственного устройства и порядков в «империях», автор в своих выводах отказывается признать примат экономических отношений над политическими. Наоборот, считает он, система государственного управления определяет локальные производственные отношения внутри отдельных коллективов. Поскольку управление (распоряжение) средствами производства со стороны государства, по мнению Ю. Е. Березкина, доминирует над отношениями собственности на средства производства, все становится поставленным с ног на голову. В результате автор оказывается не в состоянии объяснить появление поразительно сходных черт у таких различных государств, как инкское Перу, гитлеровская Германия, СССР и Ирак Саддама Хусейна, высказав надежду, что только будущие поколения исследователей (да и то, «если сочтут нужным») определят характер этих режимов и их формационную принадлежность⁸. В связи с этим нельзя не высказать недоумения по поводу столь неоправданного пессимизма. Тем более, что в самой работе Ю. Е. Березкина неоднократно дается верный, с нашей точки зрения, ответ на поставленный вопрос⁹.

Суть проблемы заключается, очевидно, в том, что во всех вышеперечисленных (и еще многих не названных) обществах *государство выступает как верховный собственник основных средств производства*. В доиндустриальных обществах это была прежде всего земля, земельные ресурсы. Помимо этого во всех подобных обществах существовала и существует также верховная частная собственность государства на личность непосредственного производителя. Так как объектом

частной собственности выступают не только средства производства, но и люди, то всегда и везде такое сочетание приводит к однозначному результату — внеэкономическому принуждению и эксплуатации работников в достаточно жестких формах (нередко именуемых исследователями «феодально-рабовладельческими формами эксплуатации»).

Сущность соответствующего способа производства, известного в нашей обществоведческой литературе как «азиатский», его становление у различных народов мира и основные этапы дальнейшей эволюции были глубоко раскрыты в работах выдающегося отечественного этнографа Ю. И. Семенова¹⁰, который называет этот способ производства «политарным» (от греч. слова «политія» — государство). Внешне, указывает Ю. И. Семенов, политарный способ производства напоминает феодальный: как и при феодализме при политарном способе производства существует верховная частная собственность как на землю, так и на обрабатывающих ее непосредственных производителей. Как в том, так и в другом случае работники являются хотя и подчиненными, но все же в известной степени собственниками своей земли, свободной личностью. Но в отличие от феодальных обществ, где каждый феодал был самостоятельным и полным частным собственником (отсюда известное выражение: «вассал моего вассала — не мой вассал»), в каждом политарном обществе существует только один верховный собственник, коллективно эксплуатирующий весь класс производителей — государственный аппарат. Этот способ производства основан на общеклассовой собственности, приобретающей форму государственной. Если при феодализме прибавочный продукт поступает непосредственно каждому отдельному феодалу, то при политаризме он идет сначала государству, а затем уже распределяется между государственными служащими, чиновниками в соответствии с их положением на иерархической лестнице и выполняемыми функциями. Глава такой иерархически организованной системы распределения прибавочного продукта всегда является главой государства (гос. аппарата). Выполняя функцию верховного распорядителя общеклассовой собственности и, следовательно, прибавочного продукта, такой человек обычно наделялся неограниченной властью и влиянием¹¹. От себя добавим, что концентрация экономической и политической власти в одних руках была столь огромна, что в духовно-идеологической и психологической сферах глава политарного общества приобретал черты божества. Достаточно вспомнить «брата богов» — египетского фараона, «сына Солнца» — верховного инку и более близкого нам «отца всех времен и народов» И. В. Сталина.

В своих исследованиях Ю. И. Семенов пришел к фундаментальному выводу о том, что первой классово-антагонистической формацией в истории человечества было не рабовладение, как это принято считать до сих пор, а политаризм. После возникновения рабовладения, как следующей стадии всемирно-исторического процесса, политаризм перестал быть основным, ведущим типом общества, хотя и продолжал оставаться наиболее широко представленным географически. Согласно взглядам Ю. И. Семенова существует два типа политарного общества: агрополитарное и индустрополитарное. Первое из них является общественно-экономической формацией, применительно ко всем эпохам, а второе — параформацией¹².

Теперь вернемся к доколумбовым цивилизациям Америки, а от них перейдем к «колониальному феодализму». После предыдущего экскурса в теорию вопроса становится совершенно ясно, что общества индейцев доколумбовой эпохи «зоны высоких цивилизаций» были не рабовладельческими с феодальным уклоном, а политарными. Причем в Перу сложилось, на наш взгляд, «классическое» политарное общество, своего рода эталон¹³.

Что же произошло с высокоразвитыми (для Америки того времени) индейскими обществами после Конкисты — испанского завоевания? Может быть, у них стал складываться под влиянием испанцев феодализм в колониальном обличье, как об этом пишут авторы монографии «Три века колониальной Америки...»? Отнюдь

нет. Испано-индейское общество, сложившееся в Новом Свете в результате Конквисты, было политарным. И массу доказательств этого приводят петербургские ученые на страницах своей книги. Во-первых, отмечают они, все земли Америки, согласно папской булле 1493 г., были объявлены собственностью испанского короля, а местные жители — индейцы — его вассалами¹⁴. «Короли жаловали испанцам, — пишут авторы монографии, — не индейцев с землей, а только право на сбор подати с индейцев, которую они платили в признание вассальной зависимости от короля»¹⁵. Эта система получила название *энкомьенда*. Во-вторых, испанцы не стали разрушать индейскую общину. Общинное землепользование — основа основ любого политарного общества. Неслучайно, например, что Сталин, придя к власти, вновь возродил общины в виде колхозов, а Гитлер во время войны с СССР не только не разрушал их на оккупированной территории, а даже воссоздавал там, где они в результате военных действий распались сами собой¹⁶. Очень уж удобной формой эксплуатации работника государством является община с ее коллективной ответственностью и круговой порукой при любом политарном режиме как в XX в. до н. э., так и в XX в. н. э. Об этом же свидетельствуют и сами авторы вышеназванной монографии: «Труд рядовых общинников, лежащий в основе процветания государства ацтеков и „империи Тауантинсуйю“ (инков. — А. Г.) являлся и гарантом существования системы колониального феодализма»¹⁷. Правильнее было бы, очевидно, сказать, что здесь мы имеем дело не с «колониальным феодализмом», а с *колониальным политаризмом*¹⁸. То, что это не феодализм или не совсем феодализм, понимают и сами авторы монографии: «Стержнем колониального феодализма той поры, — пишут они, — являлась энкомьенда — феодал колониального образца, полных аналогов которого не было в Старом Свете»¹⁹.

В целом энкомьенда как основная ячейка «колониального феодализма» просуществовала сравнительно недолго — примерно до второй половины XVI в. Начиная с этого времени ее стала замещать новая система эксплуатации коренного населения — *репатримьенто*. Это был принудительный «наем» индейцев государством для работ как в собственно государственном секторе экономики, так и в хозяйствах испанских колонистов, на рудниках, в ткацких мастерских и т. д. Введение репатримьенто не было случайным явлением. Таким образом испанская корона хотела упорядочить использование сильно сократившейся к этому времени индейской рабочей силы и не допустить дальнейшего увеличения энкомьенд, которые проявляли явную тенденцию к превращению в независимые феодальные вотчины, что в конечном итоге могло серьезно поколебать власть и уменьшить доходы испанского короля в Новом Свете.

С 1570-х по 1630-е гг. система репатримьенто господствовала в испанских колониях. Это был новый, а именно второй этап развития колониального феодализма, отмечают авторы книги «Три века колониальной Америки...». И с этим нельзя не согласиться. Новый период отмечен усилением роли государства в управлении колониями и их экономикой, а это, на наш взгляд, явное свидетельство того, что в Испанской Америке произошло усиление политаризма. Правда, авторы монографии, оказавшись в плену сложившихся в отечественной историографии стереотипов смены формаций, невольно попадают в логическую ловушку. Так, они усматривают во многих регионах Испанской Америки того периода отход колониальных властей от использования традиционных индейских экономических систем. Кроме того, они пишут о разрушении индейской общины²⁰, что, как известно, является верным признаком зарождения буржуазных отношений. «Наиболее серьезный удар по индейской общине, — пишут авторы монографии, — был нанесен введением системы редуций (повсеместно — со второй половины XVI в.), т. е. переселение индейцев из разных мест в один центр, построенный по испанскому образцу. Редукция лучше всего соответствовала системе репатримьенто. Расцвет редуций — 60—80-е гг. XVI в. Искусственно созданная община (Sic! — А. Г.) в Перу должна была иметь не менее 500 налогоплательщиков»²¹. Как видно из последней цитаты авторы противоречат сами

себе. Редукция вовсе не означала уничтожения общин, а лишь их перетасовку и создание новых. Подобная практика массовых депортаций индейского населения с совершенно такими же целями осуществлялась еще инками в их «империи» Тауантинсуйю²². При этом общины и общинное землевладение сохраняли полную силу. Ни о каком разложении их, как об этом пишут авторы монографии, не могло быть тогда и речи. Более того, в самой монографии можно найти достаточно примеров, свидетельствующих о заинтересованности испанских властей в сохранении общины как социально-экономического института. Красноречивым тому доказательством являлся королевский указ от 1754 г., предписывавший колониальным властям наделять индейские общины землей, если те ощущали в ней недостаток²³.

Система репатримьенто представляла собой по сути модификацию старой еще доиспанской системы внеэкономического принуждения. В Перу она носила название *мита*, в государстве ацтеков — *куатекиль*. Отхода колониального общества от традиционных индейских экономических систем, как мы видим, в этот период еще не произошло. И то, что расцвет репатримьенто совпал с бурным ростом редукций, закономерно: это были две стороны одной медали — роста политарного способа производства в «колониальной упаковке».

Экономическая структура общества всегда находит свое отражение в социальной. Не была исключением и Испанская Америка. Авторы монографии «Три века колониальной Америки...» отмечают существование в первые 250 лет после Конкисты как бы двух параллельных социальных миров: доминирующего испанского и подчиненного индейского²⁴. Но дело тут, как нам кажется, не только в расово-этническом факторе, который формировал видимую сторону данной иерархии. А дело в том, что здесь ярко проявилась особенность политарных обществ: противопоставление всего класса эксплуататоров (представленных в данном случае испанцами) всему классу эксплуатируемых (в этом случае индейцам). Это еще одно доказательство того, что в Испанской Америке существовал колониальный политаризм.

С середины XVII в. колониальный политаризм как ведущий способ производства начинает сдавать свои позиции в колониальном обществе. Это было связано с целым комплексом причин: депопуляцией индейского населения в результате сверхэксплуатации, развитием (хотя и медленным и зачастую односторонним) ремесла, торговли, товарно-денежных отношений и, наконец, формированием крупной земельной собственности испанских поселенцев и их потомков (креолов) — *асьенды* (*латифундии*).

Именно возникновение асьендной системы знаменовало собой начало нового этапа в развитии Испанской Америки — становление подлинно феодальных отношений, что, надо отметить, хоть и с оговорками, признают и авторы «Трех веков колониальной Америки...»²⁵.

Со второй половины XVII в. ведущей формой эксплуатации в испанских колониях становится пеонаж: главной рабочей силой на асьендах были прикрепленные к земле батраки-задолжники — пеоны. Королевская (государственная) власть, интуитивно понимая, чем грозит ей развитие нового способа производства, стремилась всячески воспрепятствовать этому процессу, укрепляя индейское общинное землевладение и вводя ограничения на выход индейцев из общины. И лишь в середине XVIII в. она вынуждена была пойти на юридическое признание крупной земельной частной собственности, да и то состоящей под контролем колониальных властей²⁶.

Однако все усилия короны были тщетны: она могла затормозить, но не остановить общественный прогресс. Когда же метрополия ослабла и сама потеряла независимость в ходе наполеоновских войн, в испанских колониях грянули национально-освободительные революции. И здесь мы сталкиваемся еще с одной проблемой, не решенной до конца в отечественной историографии, касающейся характера этих самых революций. Специалист по данному вопросу московский исследователь Н. Н. Марчук в своей недавно опубликованной статье постарался

обобщить все точки зрения, существовавшие по этой теме в нашей историографии²⁷. Он пишет, что один из основоположников советской латиноамериканистики — В. М. Мирошевский — считал, что гегемоном в революциях были латифундисты — крупные землевладельцы, а сами революции обозначил термином «испаноамериканский сепаратизм». Ученики Мирошевского, а это такие известные ученые, как М. С. Альперович, Н. М. Лавров, Л. Ю. Слезкин и другие, напротив, именовали войну за независимость «буржуазной революцией», в центре которой был поставлен народ. Попутно отметим, что такая трактовка является до сих пор преобладающей, что нашло свое отражение, например, в фундаментальном энциклопедическом двухтомнике «Латинская Америка», а также в недавно опубликованном первом томе академического издания «История Латинской Америки». Правда, в последней работе война за независимость преподносится как «незавершенная буржуазная революция», главной движущей силой которой были народные массы²⁸.

Н. Н. Марчук полагает, что каждая из этих точек зрения имеет свою ценность, и пытается эклектически примирить их, прибегая к методу отрицания. В результате рождается формулировка войны за независимость как «буржуазной, но и антинародной революции»²⁹. Чтобы опровергнуть данную трактовку, не надо заглядывать в специальные издания: сам автор в своей статье приводит достаточно материала для этого. Но сначала поясним все же свою позицию: мы полагаем, что в 1810—1826 гг. почти во всех странах Латинской Америки имела место *феодалная революция, обеспечившая окончательный переход от колониально-политаризма к постколониальному феодализму*. Асьендная система — его экономическая основа — при этом не только не распалась, но и имела тенденцию к дальнейшему укреплению и развитию. Хотя Н. Н. Марчук и отрицает связь асьендной (латифундистской) системы с феодализмом, однако вынужден признать, что латифундизм не просто сохранился, но и был расширен войной за независимость, а гегемоном революции явились креолы — помещики, крупные землевладельцы³⁰.

Это же фактически признается и авторами «Истории Латинской Америки»: «Следует отметить, — пишут они, — что война за независимость не привела к коренной перестройке социально-экономической структуры стран Испанской Америки»³¹. Как нам кажется, такая перестройка не требовалась: просто политическая власть перешла к экономически уже сформировавшейся и господствовавшей группе — феодалам-латифундистам.

Стоит ли удивляться после этого, что «громадное большинство населения» (по выражению Н. Н. Марчука) было полностью лишено каких-либо политических и значительной части экономических прав. А это, разумеется, не могло не вызвать выступления народных масс против «освободителей», в результате чего были «пролиты моря крови и во время и после войны за независимость»³². Однако обличительный пафос Н. Н. Марчука, направленный против «настоящей буржуазной революции» вообще и революции латиноамериканских «освободителей» в частности, бьет мимо цели: нельзя обвинять помещиков-латифундистов в нарушении прав «человека и гражданина» — феодальное общество глубоко чуждо это понятие. В нем если кто и является «человеком» и «гражданином», так это крупный независимый земельный собственник, как его ни называй: феодал, помещик, латифундист, асинтадо и т. п. Поэтому вовсе не случайно авторы монографии «Три века колониальной Америки...» были вынуждены сделать вывод о «вторичной консервации феодальных отношений» после победоносных войн за независимость³³. Полагая, однако, что это были революции буржуазные, обеспечившие переход к буржуазному обществу (хотя и с «родимыми пятнами» феодализма), авторы отказываются от дальнейших исследований социально-экономических отношений в Латинской Америке, поскольку, как это явствует из названия их книги, в центре их внимания находится феодализм в колониальном варианте. Напрасно. Латиноамериканский феодализм именно в это время стал ведущим экономическим укладом и обеспечил себе политическое господство.

Конечно, постколониальный латиноамериканский феодализм не был идентичен средневековому европейскому. Возникнув в другую эпоху, имея за спиной значительное «политарное наследие», испытывая, с другой стороны, все усиливающееся капиталистическое влияние мирового рынка, он просто не мог не обладать значительной спецификой.

Последовавшее вслед за освободительной войной повсеместное разрушение индейской общины и общинного землевладения не было и не могло быть «буржуазными реформами», как считает Н. Н. Марчук³⁴, так как земли не покупались, а захватывались и насильно отчуждались, а бывшие общинники становились при этом бесправными батраками-неонами, близкими по положению к крепостным. Ничего удивительного, что через несколько десятилетий после первой волны «буржуазных революций» по Латинской Америке прокатилась новая волна революций, которые теперь уже действительно носили буржуазный характер.

Однако не везде в Латинской Америке после войны за независимость победил постколониальный феодализм. Были и исключения. К ним относится, например, Парагвай, где в результате победы национально-освободительного восстания в 1811 г. имело место, фигурально выражаясь, второе издание политаризма. Предпосылкой такого поворота событий было, несомненно, длительное существование поселений-редукций, организованных орденом иезуитов, которые образовали здесь подобие теократического политарного государства. Пришедший к власти в результате антииспанского восстания «пожизненный диктатор» Х. Г. Родригес де Франсия заложил основы нового политарного государства в Парагвае. А его преемник К. А. Лопес и его правительство еще более укрепили роль государства в экономике, национализировав общинные земли почти всех индейских селений, монополизировав производство и торговлю главным экспортным продуктом — парагвайским чаем (*матэ*) и значительно увеличив число государственных хозяйств — «эстансий родины»³⁵ (звучит очень знакомо, не правда ли?).

А вот на Гаити национально-освободительное восстание имело иную специфику. Здесь, как справедливо отметил Н. Н. Марчук, в результате победы негритянского восстания установилось общество, близкое к «реальному социализму»³⁶. Особенностью становления политарного общества на Гаити было то, что оно имело своим предшественником рабовладельческое общество в колониальном варианте.

Если в Испанской Америке первоначально сформировался колониальный политаризм и лишь постепенно сложились предпосылки для постколониального феодализма³⁷, то ситуация в Португальской Бразилии была несколько иной. Здесь отсутствовал прочный фундамент для политаризма в виде предшествовавших высоких индейских цивилизаций, а само индейское население было сравнительно невелико. Поэтому основой экономики Бразилии стала не энкомьенда и не репатримьенто с опорой на индейские общины, а рабовладельческая плантация — *fazenda*. Конечно, плантационное рабство в Новом Свете в период становления капитализма, как верно отмечают авторы монографии «Три века колониальной Америки...», заметно отличается от античного. Возникнув в иную эпоху, оно было тесно связано с мировым рынком и имело своеобразный «довесок» в виде полуфеодального уклада, представленного мелким и средним крестьянским хозяйством арендаторов и батраков³⁸. Динамика социально-экономического развития бразильского общества была такова: постепенно часть рабов превращалась фактически в крепостных, получая от фазендейру необходимые для ведения собственного хозяйства средства производства (особенно активно протекал этот процесс на северо-востоке Бразилии и усиливался во время свертывания связей с мировым рынком)³⁹. С другой стороны, арендаторы и батраки также попадали почти в крепостную зависимость от хозяев плантаций. Таким образом, и в Бразилии вызревал феодализм. Поэтому борьба за независимость приобрела здесь черты феодальной революции. Неслучайно, что в 1815 г. Бразилия была объявлена сначала королевством (в унии с Португалией), а после провозглашения

независимости в 1822 г. стала империей — конституционной монархией, просуществовавшей до 1889 г.

Кроме Испании и Португалии крупные колонии в Америке имела Англия. Их социально-экономическая эволюция носила весьма сложный характер. Как и испанский король, король Англии провозгласил себя верховным собственником всей земли колоний, объективно заложив тем самым основы политаризма. Отметим, что аналогичный процесс имел место практически во всех европейских колониях Нового времени, однако в какой степени реализовывался этот «первородный» политаризм в дальнейшем, зависело от сочетания многих конкретных факторов: уровня развития метрополии, особенностей местного аборигенного населения, влияния мирового рынка, политики других государств, экологических условий колоний и т. д.

Политаризм в английских колониях не получил, да и не мог получить значительного развития. Во-первых, в зоне английской колонизации отсутствовали высокоразвитые индейские цивилизации с «доморощенным» политаризмом (да и самих индейцев проживало относительно немного). Во-вторых, в развитии самой Англии «политарная тенденция» прослеживается слабо, власть короля не была абсолютной, а к моменту образования колоний (начало XVII в.) имел место переход от феодального к буржуазному обществу. А это не могло не сказаться на процессе формирования и развития колоний и на политике метрополии по отношению к ним.

Сочетание этих и других факторов привело к тому, что в Английской Америке утвердилось несколько социально-экономических укладов: ослабленный феодальный английского образца, рабовладельческий плантационный (в центральных и южных колониях) и, наконец, буржуазный (в центральных и северных колониях — Новой Англии)⁴⁰. Динамика и соотношение этих укладов в разные периоды развития колоний была неодинаковой. Общая тенденция состояла в постепенном ослаблении колониального феодализма при одновременном усилении капиталистического и рабовладельческого укладов (последний был теснейшим образом связан с мировым рынком). Особенностью существования этих укладов было их развитие как бы на фоне английского колониального политаризма, ибо английский король номинально оставался собственником всех земель колоний. Но так как земля предоставлялась королем в вечное наследственное пользование компаниям, осуществлявшим колонизацию Америки, или аристократам (как, например, лорду Балтимору), то признание его верховным собственником земли было чисто формальным актом. Это нашло свое отражение в обязательном наделении колонистов участками земли от имени короля или в выплатах в пользу короля пятины золота или серебра из месторождений, которые могли быть открыты в колониях⁴¹.

Переход ряда колоний под королевское управление (Виргиния уже с 1625 г.) и под контроль утверждавшихся королем губернаторов и даже передача в непосредственное королевское владение «общих» земель компаний, осуществлявших колонизацию, мало что меняли принципиально, хотя в какой-то мере укрепляли политарную тенденцию. Эта тенденция в особенности усилилась после реставрации в Англии династии Стюартов⁴², достигнув пика в 1685 г., когда указом Якова II почти все английские колонии района Новой Англии были объединены в одну под централизованным королевским управлением. Назначенный губернатором новой колонии Э. Эндрюс объявил недействительными все прежние земельные держания и потребовал провести их перерегистрацию с обязательной уплатой королевской пошлины. Но победа «Славной революции» в Англии в 1688 г. и падение династии Стюартов нанесли существенный удар не только по феодализму в Англии, но и по росткам политаризма в Америке. Губернатор Эндрюс бежал, а новый король Вильгельм III признал права колоний на землю⁴³. Тем не менее полностью отказываться от укрепления своей власти в колониях метрополия не намеревалась. Более того, к середине XVIII в. под королевское управление перешел еще ряд колоний. Одновременно метрополия путем эко-

номических мер, введения запретов и различных монополий стремилась навязать колониям одностороннее развитие их хозяйства (что особенно проявилось на Юге) и в перспективе превратить их в аграрно-сырьевой придаток⁴⁴. Следующий шаг королевской власти, способствовавший укреплению политарной тенденции, оказался для нее роковым. Это было издание указа 1763 г., который объявлял коронной собственностью земли, расположенные к западу от Аллеганских гор до Миссиссиппи, и запрещал уроженцам колоний переселяться на эти территории и скупать у местных индейцев их земли.

Мера, предпринятая как в интересах короны, так и ленд-лордов в самих колониях, не могла не вызвать крайнего недовольства простых фермеров, земельных спекулянтов и нарождавшейся буржуазии, а также плантаторов-рабовладельцев, для которых новые земли были необходимы как воздух: экстенсивное плантационное хозяйство постоянно нуждалось в новых территориях из-за быстрого истощения почвы под монокультурами (табак, хлопок). Именно союз фермеров, буржуа и плантаторов, объединившихся против королевской власти и поддерживавших ее лендлордов-лоялистов привел к победе в Войне за независимость (1776—1783).

В нашей историографии Войну за независимость трактуют как буржуазную революцию. Действительно, она привела к ликвидации элементов феодализма, в частности в области аграрных отношений: земля окончательно превратилась в объект купли-продажи и стала доступна для приложения капитала; была отменена фиксированная рента за земельные участки; были конфискованы и распроданы огромные поместья лендлордов-лоялистов и земли британской короны.

Вместе с тем Войну за независимость можно в известной мере рассматривать и как антиполитарную революцию, направленную против узурпации королевской властью значительного земельного фонда, попавшего в ее руки в результате победоносной войны с Францией (1756—1763), в которой участвовали и английские колонии, не получившие, однако, почти ничего от победы над общим врагом. Хотя в плане «антиполитаризма» Американскую революцию условно можно сравнить с освободительными войнами в Испанской Америке, суть их тем не менее была все же различной. В первом случае произошел окончательный переход к капитализму (хотя и при сохранении на какое-то время параллельно рабовладельческого уклада)⁴⁵, во втором, как уже говорилось, имел место переход от колониального политаризма к постколониальному феодализму. Поэтому нельзя согласиться с Н. Н. Марчуком, трактующим все эти революции как однотипные по направленности и результатам⁴⁶.

Помимо Испании, Португалии и Англии довольно крупными колониями в Америке обладала также Франция. Не давая подробную характеристику социально-экономических отношений во французских колониях⁴⁷, отметим тем не менее, что в целом французский вариант колониализма был скорее сродни английскому образцу, нежели испанскому, хотя политарные и особенно феодальные тенденции в развитии экономики Новой Франции сыграли гораздо более существенную роль, чем в английских колониях. Здесь, несомненно, сказался разрыв в социально-экономическом развитии самих метрополий, а также господство во Франции в то время королевского абсолютизма.

Значительными территориями в Америке владела Россия. Хотя русские колонии на Аляске, Алеутских островах, а на незначительный период и в Калифорнии (1812—1841 гг.) были очень малочисленны и просуществовали относительно недолго, их история тем не менее представляет собой яркий эпизод в прошлом крайнего северо-запада североамериканского материка.

Начало колонизации Русской Америки было положено Второй Камчатской экспедицией Беринга — Чирикова в 1741—1742 гг. Вскоре к новым землям и островам потянулись сибирские купцы и промышленники, привлеченные сюда слухами о пушных богатствах. Около 40 лет русские осваивали Алеутские острова. Местные жители — алеуты, а затем и часть русские эскимосов Южной Аляски были покорены и обложены ясаком. Кроме того, алеуты с 1770-х гг. и южные эскимосы

(конягмиуты и чугачи) — с 1780—1790-х гг. должны были участвовать в промыслах, формируя байдарочные флотилии под руководством русских промышленников. Первоначально такие флотилии для добычи калана создавались отдельными купеческими компаниями, а с 1799 г. перешли под контроль единой монопольной Российско-Американской компании (РАК). Таким образом, основной рабочей силой на промыслах были алеуты и эскимосы. Сами русские после начала регулярного создания байдарочных «партий» (флотилий) пушным промыслом почти не занимались, выполняя в основном функции управления, контроля и охраны. Помимо этого они торговали с независимыми и полунезависимыми индейскими племенами и западными эскимосами, а также были заняты в ремесленном производстве.

Хотя по своим географическим и экологическим особенностям, специфике местного населения и хозяйственной базы Русская Америка очень отличалась от Испанской, тем не менее социально-экономические отношения, сложившиеся в российских колониях, поразительно напоминали те, что имели место в испанских владениях. Некоторые отечественные ученые уже обращали внимание на этот феномен, хотя он и не получил соответствующего объяснения⁴⁸. Попробуем внести ясность в этот вопрос, начав с проведения аналогий.

Подобно тому, как в Испанской Америке индейцы платили подушную подать — *трибуто*, так и в Русской Америке алеуты платили ясак в знак признания над собой власти русского царя (правда, взимание ясака производилось нерегулярно, а к концу 1790-х гг. прекратилось вовсе). Система энкомьенды, характерная в основном для раннего периода существования испанских колоний, в Русской Америке приняла специфическую юридически не зафиксированную форму, проявившуюся в эксплуатации труда каюров⁴⁹ и, частично, заложников-аманатов.

Гораздо шире на протяжении значительной части истории Русской Америки использовался принудительный «наем» алеутов и южных эскимосов для работ на морских промыслах — полный аналог испанской системы репатримьенто. Разница заключалась лишь в том, что этот «наем» в Испанской Америке осуществляла королевская власть и ее представители, тогда как в Русской Америке — Российско-Американская компания (за спиной которой, впрочем, стояло царское правительство) и некоторые предшествовавшие ей купеческие компании. Плата за труд, как и в Испанской Америке была часто номинальной: цены на товары, которыми выплачивалось вознаграждение, формировались искусственно и были сильно завышены. Имели место в Русской Америке и насильственные переселения больших групп туземцев по аналогии с испанской системой редукий. Из алеутов и эскимосов (включая женщин) формировались артели, которые расселялись по различным островам для более успешного ведения промыслов. Кроме того, депопуляция эскимосов острова Кадьяк (в результате сверхэксплуатации и эпидемий) и стремление колониальных властей усилить свой контроль над абorigенами привели к практике создания в 1840—1842 гг. «общих селений» (искусственно созданных общин), где концентрировались местные жители, до того расселенные дисперсно.

Имел место в Русской Америке (особенно в XIX в.) и вольнонаемный труд туземцев. Но это не были ростки настоящих капиталистических отношений, как полагают некоторые исследователи⁵⁰. РАК, пользуясь своей тотальной монополией, единолично определяла кому и сколько платить. Рынок работодателей как таковой отсутствовал.

Еще одно сходство между Испанской и Русской Америкой заключалось в четкой пирамидальной иерархической социальной системе, где пришельцы составляли доминирующую по положению группу, а туземцы — подчиненную. С учетом всего вышесказанного становится очевидным, что в Русской Америке существовал колониальный политаризм. Однако возникает вопрос: как он мог сложиться там, где, казалось бы, отсутствовали необходимые для этого предпосылки? Ведь в Русской Америке не было высоких индейских цивилизаций, которые могли бы послужить фундаментом колониального политаризма. Нельзя

же всерьез относиться к заявлению известного этнографа Л. Н. Гумилева, процитированного, кстати, дословно авторами монографии «Три века колониальной Америки...»⁵¹, что у индейцев тлинкитов, населявших юго-восточную Аляску, сложилось рабовладельческое общество⁵². Да, рабы у тлинкитов были, как и у многих других народов Аляски, но они не стали основной производящей силой тлинкитского общества: количество их было незначительно, а труд носил подсобный характер (так называемое патриархальное или домашнее рабство)⁵³. Формирование подлинно рабовладельческого общества вообще невозможно на базе присваивающего хозяйства, которое существовало у тлинкитов и других народов Русской Америки.

И все же, каким образом в русских колониях в Америке возникло политарное общество? Ответ может быть один: политаризм был «экспортирован» на Алеутские острова в Аляску самими русскими. Дело в том, что Россия сама была политарным обществом, хотя и с «феодальным уклоном» (впрочем, государство контролировало и поместное землевладение). В Русской Америке была лишь воспроизведена в специфическом виде социально-экономическая модель метрополии.

То, что Россия того времени представляла собой не феодальное общество, как затвержено нами со школы, догадывались уже давно. Правда, подходя к проблеме с точки зрения государственного устройства, авторы писали о «военно-феодальной монархии», «абсолютистском государстве с чертами восточной деспотии», «русском централизованном государстве» и т. п. Такая особенность России объяснялась обычно обширностью государства и наследием татаро-монгольского ига⁵⁴ — последнее, действительно, способствовало усилению политаризма, но не было его первопричиной.

С попыткой объяснить «особый путь» России связана, например, и вновь входящая ныне в моду теория «евразийства». В этом же ключе прошла недавняя дискуссия на страницах журнала «Отечественная история» по докладу А. С. Ахиезера, пытавшегося с помощью цивилизационного подхода охарактеризовать исторический путь и особенность России⁵⁵. Сам подход представляется вполне правомерным и суть вопроса изложена, на наш взгляд, верно: противопоставление «традиционной» (политарной) цивилизации «либеральной» (феодальной, капиталистической) и причисление российского общества к цивилизации первого типа с наметившейся тенденцией перехода ко второй, что и порождало в нем раскол. Однако выбор в качестве определяющего критерия не отношений собственности, а довольно неопределенных «ценностных ориентиров» привел не столько к сущностному разрешению проблемы, сколько к малопродуктивной дискуссии с приведением бесконечных примеров и вариаций на одну и ту же тему «раскола».

Российское общество было политарным на протяжении практически всей его истории⁵⁶ (это вовсе не исключало существование в нем феодального, а с XVIII—XIX вв. и капиталистического укладов, доля которых была различной в тот или иной период). Государство (в лице великого князя, царя, императора) выступало верховным собственником земли, контролируя, раздавая или изымая земельные угодья и даже родовые вотчины (этот процесс шел активно, например, в период опричнины). Именно этим обстоятельством объясняется та легкость, с какой Александр II продал Русскую Америку США в 1867 г., полностью проигнорировав при этом интересы населения колоний, самой Российско-Американской компании и общественное мнение внутри России.

Политаризм проявлялся во всех сферах жизни общества. В России, например, никогда не было рыцарства, как в Западной Европе: все, даже родовые бояре, униженно именовали себя «холопами великого государя», т. е. царя. Свидетельством политаризма служит и длительное, до начала XX в., существование крестьянской общины и соответствующие психологические черты русского народа: соборность, дух коллективизма и взаимопомощи. Еще одно, присущее политарным режимам свойство — огромная власть государственного аппарата, стремление к полной регламентации жизни общества и отдельного человека ярко проявлялось в России особенно после петровских реформ.

Наконец, о политической принадлежности российского общества свидетельствует и его разделение на две четко разграниченные части. Основание социальной пирамиды составляла подавляющая масса населения — «подлый», т. е. податный народ, а ее верхушку — эксплуататорская элита, избавленная от подушного налога (чиновники, офицерство, почетные граждане, духовенство). Подушный оклад свидетельствовал о наличии верховной частной собственности государства на личность непосредственного производителя. Важно отметить, что подушным налогом облагались не только государственные, но и помещичьи крестьяне — как здесь не вспомнить гоголевского Чичикова и его «мертвые души».

Одна из существенных черт политических обществ — явная тенденция к автаркии, т. е. созданию самообеспечивающейся замкнутой экономической системы (Древний Египет, средневековый Китай, гитлеровская Германия, СССР и т. д.). Автаркия и стремление к тотальной монополии проявились в Испанской и Русской Америке как в стремлении создать там комплексное самообеспечивающееся хозяйство, так и в жестком запрете торговых контактов с представителями других государств без посредничества метрополий.

Примечания

¹ Три века колониальной Америки. О типологии феодализма в Западном полушарии // Комиссаров Б. Н., Петрова А. А., Саламатова О. В., Ярыгина А. А. СПб., 1992.

² Там же. С. 155—156.

³ Там же. С. 65, 91, 127, 145, 154—155, 225—226.

⁴ Там же. С. 26, 65, 157, 225.

⁵ Там же. С. 41, 63, 181. Нет ясности по этому вопросу и в фундаментальном коллективном исследовании истории Латинской Америки (История Латинской Америки. Доколумбова эпоха — 70-е годы XIX века, М., 1991. С. 6, 41, 48—49).

⁶ Гуляев В. И. Типология и структура древних государств Мезоамерики // Исторические судьбы американских индейцев. М., 1985. С. 52—64.

⁷ Березкин Ю. Е. Инки: исторический опыт империи. Л., 1991. С. 209.

⁸ Там же. С. 195—196, 209—210, 216—218 и др.

⁹ Там же. С. 194, 201 и др.

¹⁰ Семенов Ю. И. Типология ранних форм эксплуатации // Народы Азии и Африки. 1985. № 4. С. 59—68; *его же*. О первобытном коммунизме, марксизме и сущности человека // Этнографическое обозрение (далее — ЭО). 1992. № 3. С. 31—46; *его же*. Экономическая этнология. Книга I. М., 1993. Ч. I—III и др. работы.

¹¹ Семенов Ю. И. Типология ранних форм эксплуатации. С. 66; *его же*. О первобытном коммунизме... С. 38; *его же*. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития (часть 1) // ЭО. 1993. № 1. С. 56—57.

¹² Семенов Ю. И. Переход от первобытного общества... (часть 2) // ЭО. 1993. № 2. С. 71—72.

¹³ Подробнее см.: Березкин Ю. Е. Указ. раб.

¹⁴ Три века колониальной Америки... С. 46, 55, 60.

¹⁵ Там же. С. 55.

¹⁶ См. превосходную публицистическую статью Е. Старикова: Стариков Е. Фараоны, Гитлер и колхозы // Знамя. 1991. № 2. С. 201—220.

¹⁷ Три века колониальной Америки... С. 26.

¹⁸ Там же. С. 34, 45—46, 48—49, 55, 65.

¹⁹ Там же. С. 65.

²⁰ Там же. С. 63, 66, 76, 81, 99, 107.

²¹ Там же. С. 99—100.

²² См. Березкин Ю. Е. Указ. раб. С. 109—112.

²³ Три века колониальной Америки... С. 124, см. также С. 53, 56, 63.

²⁴ Там же. С. 92—99.

²⁵ Там же. С. 127, 137—138.

²⁶ Подробнее — там же. С. 124—125.

²⁷ Марчук Н. Н. От идеологии к науке. Якобинская модель революции и война за независимость // Латинская Америка. 1994. № 9. С. 37—46.

²⁸ История Латинской Америки... С. 9, 192—193.

²⁹ См.: Марчук Н. Н. Указ. раб. С. 39. Кстати сказать, термин, «народный» или «антинародный» вряд ли уместен для существенного анализа любой революции. Речь должна идти, на наш взгляд, прежде

всего о переходе от одного способа производства к другому, от одной формации (или параформации) к другой. Все остальное — вторично.

³⁰ Там же. С. 38, 40.

³¹ История Латинской Америки... С. 192.

³² Марчук Н. Н. Указ. раб. С. 42.

³³ Три века колониальной Америки... С. 155.

³⁴ Марчук Н. Н. Указ. раб. С. 42—43.

³⁵ См.: Альперович М. С. Революция и диктатура в Парагвае (1810—1840). М., 1975. С. 151—153, 354—355 и др.

³⁶ Марчук Н. Н. Указ. раб. С. 44.

³⁷ Следует иметь в виду, что в тех американских колониях Испании, индейское население которых почти исчезло вследствие эпидемий, войн и непосильной эксплуатации (Куба, Венесуэла и ряд других территорий), а экологические условия позволяли вести крупное плантационное хозяйство, сложился рабовладельческий уклад в колониальном варианте.

³⁸ Три века колониальной Америки... С. 160, 162—163, 168.

³⁹ Там же. С. 168—169.

⁴⁰ О становлении и особенностях развития Английской Америки см.: Ефимов А. В. США. Пути развития капитализма. М., 1969. С. 33—48; Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. Виргиния и Новый Плимут. 1606—1642. М., 1978; его же. У истоков американской истории. Мэриленд. 1630—1642. М., 1980; История США. Т. I. (1607—1877). М., 1983. С. 18—115; Три века колониальной Америки... С. 180—224 и др. работы.

⁴¹ Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. Виргиния и Новый Плимут... С. 309—310; История США. С. 18—21, 32, 43.

⁴² Небезынтересно отметить, что в Английской Америке, в отличие от Испанской, в период правления династии Стюартов королевская власть не только не тормозила введение в колониях феодальных отношений, но наоборот — активно пытались их внедрять и поддерживать. Однако в силу объективных условий и особенностей развития Английской Америки феодализм так и не пустил там прочных корней.

⁴³ Три века колониальной Америки... С. 192—193.

⁴⁴ История США. С. 69—70, 86.

⁴⁵ Оба уклада могли сосуществовать относительно мирно до тех пор, пока имелся резерв в виде свободных земель на Западе. Гражданская война за отмену рабства между Севером и Югом была «запрограммирована» на начало 1860-х гг.: за несколько лет до этого окончательно оформилась территория США.

⁴⁶ Марчук Н. Н. Указ. раб. С. 39—40.

⁴⁷ См. общие сведения по данному вопросу: Райерсон С. Б. Основание Канады. М., 1963. С. 128—133; Тишков В. А., Кошелев Л. В. История Канады. М., 1982. С. 21—28, 35—36.

⁴⁸ Окунь С. Б. Российско-Американская компания. М.; Л., 1939. С. 188—189; Истомин А. А. Америка Испанская и Русская // Латинская Америка. 1987. № 6. С. 59—60. А. А. Истомин также пришел к выводу о существовании в Русской Америке политаризма (устное сообщение автору статьи).

⁴⁹ Каюрами называли бывших рабов, отнятых или выкупленных русскими у туземных вождей, а также рекрутировавшихся из туземцев, совершивших серьезные проступки, а при необходимости — и по простой «разнорядке». За свой труд каюры получали только одежду и пищу. Как самостоятельная категория зависимых работников они присуществовали до начала 1820-х гг.

⁵⁰ Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968. С. 163.

⁵¹ Три века колониальной Америки... С. 14.

⁵² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. С. 190. В другом месте своей работы автор делает еще более удивительный вывод: в обществе тлинкитов классовые (?) отношения были развиты несравненно больше, чем у ацтеков (там же. С. 198).

⁵³ См.: Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974. С. 151—159; Семенов Ю. И. Экономическая этнология... Кн. I. Ч. II. С. 322—350.

⁵⁴ См., например, недавнее интервью д. и. н. А. Н. Хорошкевич // Родина. 1994. № 5. С. 20—26.

⁵⁵ Ахизер А. С. Россия — расколотая цивилизация // Отечественная история. 1994. № 4—5. С. 3—44.

⁵⁶ Семенов Ю. И. Переход от первобытного общества... (Часть 2). С. 70—71; Бессонова О. Е. Раздаточная экономика как российская традиция // Общественные науки и современность. 1994. № 3. С. 37—48.

«Colonial politarism» in the New World

The author reconsiders dominating in the Russian science views on the socio-economic patterns and the character of the social development in the European colonies in America, as well as on the liberation revolutions there. A particular attention is paid to Spain and Russian Americas where had been formed a rather specific system of socio-economic relations — a system of «colonial paternalism».

A. W. Grinev